

А.Б.Гофман

Социальное - социокультурное - культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура»

// Социологический ежегодник, 2010. Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН.

Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социальной психологии; Кафедра общей социологии ГУ – ВШЭ. Ред. и сост.

Н.Е.Покровский, Д.В.Ефременко. М., 2010. С.128-136.

Известно, что этимологически понятия «культура» и «общество» восходят к античности. Прообразами «общества» в античности выступали такие понятия, как «коинония» и «полис» в древней Греции и «societas» и «civitas» в древнем Риме. Древнегреческое слово «коинония» означало общение, объединение людей, связанных тесными, в том числе родственными узами. Древнегреческий «полис» представлял собой гражданскую общину или совокупность общин, объединенных территориальными, хозяйственными, политическими и религиозными связями. Хотя современные исследования в данной области демонстрируют, что полис сам по себе не был ни городом, ни государством в том смысле, какими они стали впоследствии, это не значит, что он не мог быть «городом-государством», как принято часто его обозначать, т.е. объединять в себе черты обоих, служить прототипом этих сущностей, которые впоследствии разделились.

Латинское «societas», аналог греческого «коинония», означало «общество», «компания», «товарищество» как некое конкретное образование, состоящее из людей, объединившихся для осуществления определенной цели или для определенного занятия и вносящих для этого определенный вклад, имущественный или какой-нибудь иной (без вклада человек не мог считаться полноправным членом общества, и отношение к нему, если его в принципе туда допускали, было отношением не «социальным», а благотворительным). В качестве общества рассматривалась компания, дружеская или основанная на имущественно-договорных отношениях (торговая, ремесленная, и т.п.); член ее назывался «socius», «компаньон». Обществом также считалась семья (*familia*), хозяйственно-юридическая единица, включавшая в себя не только собственно супругов, родителей и детей, но всех домочадцев, включая рабов, домашних животных и наследуемое домашнее имущество. Во многом это понятие было близко современным понятиям «компания», «хозяйственное товарищество», «общество с ограниченной ответственностью», «акционерное общество» (главным образом, «закрытого типа») и т.п.

Латинским аналогом «полиса» явилось «civitas», «град» - гражданское объединение, сообщество, гражданская община или совокупность общин, выступавших как единое целое, связанное разнообразными экономическими, политическими и прочими узами, которые легли в основу таких объединений, как город и государство. Особенность данного типа образований состояла в том, что они наделялись свойствами морального и юридического лица, или субъекта, или, точнее, моральной и юридической личности, *персоны*. С этим понятием было связано понятие «civilitas» - *гражданство; обходительность, учтивость, вежливость*, - и вместе с ним - «civis» (*гражданин*) и «civilis» (*гражданский; государственный; достойный гражданина; учтивый, приветливый*). В

дальнейшем эти слова в европейских языках трансформировались в различные слова, обозначающие государственные и гражданские образования и принадлежности, в частности, во французском и английском такие слова, как « cité », « citoyen », « city », « citizen », с одной стороны, и « civil », « civique », « civilité », « civilisation », « civility », « civilization » (англ.), - с другой. Значения первой группы слов касались главным образом гражданской принадлежности, подданства и идентификации с определенным территориальным, городским, политическим или государственным образованием, значения второй – гражданского достоинства, мужества, гражданских прав и свобод и, наконец, цивилизации и цивилизованности.

Что касается понятия культуры, то, как известно, оно восходит к латинскому «cultura», означавшему первоначально «возделывание», «уход» применительно к земледелию, сельскому хозяйству, воспитанию и образованию, а также поклонению и почитанию. Впоследствии в Европе это понятие прилагалось к самым различным объектам, подвергавшимся обработке, уходу, возделыванию, развитию, совершенствованию и т.д., включая, конечно, человека, его душу, ум, чувства, тело, среду.

Если «общество» и «цивилизация» в античности были, как мы видим, более или менее близки друг другу благодаря понятиям «civitas» и «civilitas», одновременно сочетавших в себе в определенной степени свойства «общественности» и «цивилизованности», то этого же нельзя сказать о соотношении понятий общества и культуры, которые существовали практически как более или менее автономные.

Тем не менее, хотя представления об обществе и соответствующие вербальные его воплощения существовали с незапамятных времен, они были преимущественно непосредственно вплетены в социальную практику, а в социальной мысли носили главным образом смутный, неразвернутый, неотрефлексированный характер, зачастую будучи редуцированными либо к индивидам, либо к государству, либо к другим сущностям. Подлинное открытие общества состоялось в 19 веке, когда оно стало интерпретироваться как сущность надиндивидуальная, автономная по отношению к государству и одновременно лежащая в его основе.

Востребованными и в высшей степени распространенными оказались и производные от слова «общество» слова и выражения, включающие, в частности, прилагательное «социальный», которое в начале 19 в. было близким по значению слову «католический», т.е. «вселенский», «всеобщий». «Социальная» точка зрения противопоставлялась эгоизму – индивидуальному, групповому и национальному. Особое значение в этой связи приобрели «социальное движение» (в дальнейшем отчасти слившееся с социалистическим) и «социальный вопрос». В первой половине 19-го века «социальное движение» означало совсем не то, что впоследствии и сегодня; это было Социальное Движение с большой буквы — одновременно религиозное, политическое, мистическое, экономическое и научное. Оно охватывало разные страны и разные течения мысли. Родоначальник этого движения К.-А. Сен-Симон и его школа, «парижские пророки», исходили из идеи о том, что «вопрос о социальной организации» является важнейшим. Отсюда и «социальный вопрос», т.е. проблема социального равенства и справедливого устройства общества. Именно из стремления решить его родилась, в частности,

социология.¹ Термин «общество» приобретает фундаментальный мировоззренческий статус. Тогда в европейском мире, включая, разумеется, Россию, «общество», в том числе спонтанно, «естественно» сформировавшиеся группы (классы и т.п.), превратилось из простого «произведения искусства» (Гоббс) в фундаментальную мировоззренческую парадигму, в основополагающую реальность, от которой, как полагали социальные мыслители, реформаторы и революционеры, зависят процветание человечества и счастье отдельных людей.

Если «открытие» и «парадигматизация» общества произошли в 19-м веке, то аналогичные процессы в отношении культуры в определенном смысле пришлось на 20-е столетие. Опять-таки, так же как и в случае с «обществом», понятие это в той или иной форме существовало, разумеется, в европейском мире испокон веков, но оно не рассматривалось как основополагающий объясняющий принцип и носило, так сказать, латентный характер. Если «общество» и «цивилизация» в античности были, как мы видим, более или менее близки друг другу, благодаря понятиям «*civitas*» и «*civilitas*», сочетавших в себе в определенной степени свойства «общественности» («общезителности») и «цивилизованности», то этого же нельзя сказать о соотношении общества и культуры. Последние две сущности считались хотя и не противоположными, но достаточно автономными по отношению друг к другу.

До 19-го века считалось, что одни общества обладают культурой, или тогдашним ее синонимом — цивилизацией (во франкоязычной традиции чаще использовался термин «цивилизация», в немецкой традиции — слово «культура»), а другие общества лишены культуры. В Германии, где слово «культура» в современном значении утвердилось ранее других стран, в конце 18-го века, данный подход проявился, в частности, в делении народов на «*Naturvölker*» и «*Kulturvölker*», во Франции — в делении на «*peuples civilisés*» и «*peuples non-civilisés*».² Некоторые сторонники эволюционистских взглядов также полагали, что одни общества уже достигли соответствующей культурной (или цивилизованной) стадии развития, а другие — еще нет. Это нашло выражение в восходящей к Адаму Фергюсону периодизации истории, в которой выделялись такие эпохи, как дикость, варварство и цивилизация. Впоследствии эта схема воспроизводилась с различными нюансами у Льюиса Моргана и у многих других.

¹ Подробней об этом см.: Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Мартис, 1995. Лекция 1.

² Последнее деление даже в научной классификации приобрело довольно устойчивый характер и сохранилось во Франции до относительно недавнего времени. Так, Марсель Мосс в 1901 г. возглавил в «Высшей школе практических исследований» кафедру, носившую название «истории религий нецивилизованных народов». И это несмотря на то, что сам он решительно утверждал: «На самом деле *не существует нецивилизованных народов*. Существуют лишь народы различных цивилизаций». Mauss M. L'enseignement de l'histoire des religions des peuples non-civilisés (1902) // Mauss M. Oeuvres. .2. Représentations collectives et diversité des civilisations. Paris : Ed. de Minuit, 1969. P.229-230. Отсюда парадоксальное и ставшее распространенным выражение «цивилизация нецивилизованных».

Понятие «культура», как и «общество», оказалось включенным в сферу научного знания в 19-ом веке. Но тогда оно не приобрело еще того же громадного значения. Место культуры в это время оказывается подчиненным по отношению к обществу, более узким, в значительной мере растворенным в обществе, а кроме того - относящимся в большой мере к его идеалу, цели или какой-то отдельной его сфере. Правда, иногда в это время понятия «цивилизация» и «культура» рассматривались как синонимы глобальных обществ или группы обществ, например, понятие «цивилизация» в философии истории Артюра де Гобино (его теория эквивалентных цивилизаций предшествовала теориям Н.Я.Данилевского, О.Шпенглера и А.Тойнби). Но это было скорее исключение. Чаще всего культура, как и цивилизация, рассматривалась как некое свойство, или качество («культурность», «цивилизованность»), присущее определенным носителям или субъектам, будь то «общество», «народ» или личность.

В дальнейшем сферы применения понятий «общество» и «культура» то сжимались, то расширялись, завоевывая у конкурента различные элементы, проникая друг в друга, переплетаясь или сливаясь друг с другом в разных комбинациях. При этом изменялась соотносительная роль и значимость категорий «общество» и «культура», и этот процесс продолжался впоследствии и продолжается вплоть до сегодняшнего дня. *В целом можно констатировать преобладание тенденции экспансии и захвата понятия общества понятием культуры. Последнее сначала добавилось к первому, а затем постепенно стало вытеснять его.*

В 19 веке, да и зачастую в 20-ом, культура определялась преимущественно через общество. Например, Эдвард Тайлор начинает свой знаменитый труд «Первобытная культура» (1871) с часто цитируемого определения, согласно которому культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слова складывается в целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и т.д., «усвоенных человеком (выделено нами – А.Г.)».³

Во Французской социологической школе, в трудах Дюркгейма и Мосса, понятие «культура», как, впрочем, и «цивилизация», рассматривается как подчиненное «обществу», включенное в него и (или) растворенное в нем. С точки зрения Мосса, культура – не что иное, как социальная система или же существующее в ней представление о самой себе. Цивилизацию он трактует как результат контактов между обществами, как своего рода «общество обществ». «...Нечто вроде гиперсоциальной системы социальных систем – вот что можно назвать цивилизацией»⁴, - утверждал он. С такой позицией во Французской социологической школе был связан ее первоначальный социологический экспансионизм, тенденция к включению в социологию самых разных социальных и гуманитарных наук. Эта тенденция в школе проявилась в отождествлении или, если угодно, неразличении таких дисциплин, как социология, этнология, этнография и социальная антропология. Последнюю, в частности, Мосс рассматривал как сравнительную социологию различных обществ, что сегодня выглядит вполне актуальным и убедительным.

³ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Изд. полит. литературы, 1989. С.18.

⁴ Mauss M. Les civilisations. Elements et formes // Mauss M. Oeuvres. .2. Représentations collectives et diversité des civilisations. Paris : Ed. de Minuit, 1969. P.463.

Ряд видных антропологов и этнологов и во времена Дюркгейма и Мосса, и впоследствии, вслед за Эдвардом Тайлором продолжали определять, обосновывать, объяснять культуру через понятие общества; в их трудах именно общество, социальный, групповой характер считались отличительными признаками культуры и культурных явлений. В определенной мере они редуцировали понятие культуры к понятию общества даже тогда, когда активно внедряли его и обосновывали его. Такого рода взгляды мы встречаем, в частности, у таких выдающихся исследователей, как Франц Боас, Роберт Лоуи, Альфред Рэдклифф-Браун, Мелвилл Херсковитц и др.

Любопытна близость интерпретации культуры Робертом Лоуи к трактовке социальных фактов и, шире, общества Дюркгеймом. Лоуи первоначально обосновывал особое место культуры как реальности *sui generis* и необходимость объяснения культурного культурным точно так же, как ранее Дюркгейм это делал применительно к социальным фактам, обществу и к требованию объяснять социальное социальным.⁵ Вместе с тем он подчеркивал социальную природу культуры, ссылаясь на приведенное выше определение Тайлора, интерпретируя культуру как «целостность социальной традиции» и объясняя культурные различия различиями групповыми.⁶

Первоначально социологический взгляд на культуру растворял ее в обществе; культуру воспринимали как одну из сфер или один из институтов общества. В связи с этим возникла и сохраняется до сих пор специфическая отрасль научного знания — социология культуры, где культура часто отождествлялась, а порой отождествляется и до сих пор, с искусством или досугом.

Постепенно, однако, положение меняется. Подобное узкое понимание культуры становится все более редким и, можно сказать, сфера его применения сужается. Если ранее, как мы видели, культуру определяли через понятие общества, то к середине 20-го века сложилась обратная ситуация, и она сохраняется по сей день: культура, наоборот, стала рассматриваться как отличительный признак человеческого общества. Понятие культуры с 30-х годов все чаще конкурирует с понятием общества и становится сначала соразмерным ему по значению, а затем и более важным и употребляемым. Все чаще культура рассматривается как рядоположенное с обществом, а прилагательное «культурное» идет рука об руку с прилагательным «социальное». Все большее распространение получает термин «социокультурное».

В высшей степени характерным в данном отношении оказалось творчество Питирима Сорокина, не только выразившего отмеченные концептуальные процессы, но и существенно повлиявшего на них. В его ранних трудах, в том числе и таких фундаментальных, как «Система социологии» (1920-1921), термин «культура», в отличие от «общества» и «социального», встречается довольно редко.⁷ Но уже с 30-х годов в его трудах, прежде всего в 4-томной

⁵ См. об этом в статье Лесли Уайта: Уайт Л. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры. Под ред. С.Я.Левит, Л.А.Мостовой. СПб: Университетская книга, 1997. С.32 и дал.

⁶ См.: Lowie R.H. An Introduction to Cultural Anthropology. N.Y.: Rinehart and Comp., 1940. P.3.

⁷ Сорокин П.А. Система социологии. Т.1-2. М.: Наука, 1993.

«Социальной и культурной динамике» (1937-1941), термин «общество» постоянно находится рядом с термином «культура», а прилагательные «социальное» и «культурное» постоянно соседствуют друг с другом и сливаются в едином термине «социокультурное».⁸ С этого времени мы встречаем их у Сорокина в самых разных выражениях и сочетаниях, в том числе таких, как «родовой социокультурный феномен («generic sociocultural phenomenon»), «социокультурная вселенная», «социокультурные системы», «социокультурные процессы», «социокультурное пространство», «социокультурное время», «социокультурная причинность», «социокультурные ценности» и т.д.⁹

Любопытно и, разумеется, не случайно, что свою известную книгу «Социальная мобильность», изданную в США в 1927 г., Сорокин переиздал тридцать с лишним лет спустя уже под другим, измененным заголовком «Социальная и культурная мобильность», добавив в нее 5-ю главу из 4-го тома «Социальной и культурной динамики». И дело не только в заголовке, но и в содержании. В издании 1927 г. он использует применительно к таким явлениям, как мобильность, стратификация, организация, процессы и т.д. термин «социальное». А в добавленной к более позднему изданию главе из «Социальной и культурной динамики» он пишет уже о «социальных и культурных», «социокультурных» явлениях и т.п.¹⁰ Те же понятийные сдвиги проявились и в заглавии другого и в названии другого известного труда Сорокина, посвященного изложению его системы общей социологии – «Общество, культура и личность» (1947). Очевидно, что понятия культуры и культурного, наряду с понятием личности, в творчестве зрелого Сорокина занимает место, равновеликое тому, которое на его ранних этапах занимали понятия общества и социального.

Аналогичные тенденции наблюдаются и в трудах Толкотта Парсонса, различавшего, как известно, следующие первичные подсистемы человеческого действия, носящие автономный и взаимосвязанный характер: организм, систему личности, социальную систему и систему культуры.¹¹

В данном случае мы отвлекаемся от содержательных аспектов теорий Сорокина и Парсонса, их общих черт и различий. Из предыдущего следует, что оба они приписывают культуре значение, равнозначное понятиям «общество», «социальная система», «социальное».

⁸ См., в частности, сокращенную и дополненную автором версию данного труда (1957): Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Пер. с англ., коммент., послеслов. В.В.Сапова. СПб: Изд. РХГИ, 2000.

⁹ См.: Там же. Sorokin P.A. Society, Culture, and Personality. Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology (1947). New York: Cooper Square Publ., 1962. P.6, 39, etc.

¹⁰ См.: Sorokin P.A. Social and Cultural Mobility. Glencoe: The Free Press of Glencoe, 1959.

¹¹ См., в частности: Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения (1966) // Теоретическая социология. Антология. Под ред. С.П.Баньковской. Ч.2. М.: Книжный Дом «Университет», 2002. С.3 и дал.

Таким образом, к середине 20 в. во влиятельных общих теориях понятие культуры автономизируется по отношению к понятию общества, конкурирует с ним и соединяется с ним в различных сочетаниях. Наблюдается переход от предшествующей эпохи господства парадигмы «общества» и «социального» к комбинированной парадигме «общества-культуры» и «социокультурного».

Постепенно, вслед за этим, на рубеже 20-21 вв. отмеченная тенденция усиливается. Культура стала обретать тот статус, который ранее занимало общество, а именно статус парадигматической категории и универсального объяснительного принципа. Социальные структуры и их развитие стали рассматриваться как результат действия совокупности культурных образцов, ценностей, традиций, символов и смыслов. «Культурология», независимо от того, используется данный термин, использованный в 1946 г. Лесли Уайтом, или нет, стала проникать в социологию в качестве своего рода троянского коня и вытеснять ее из ее традиционных проблемных областей.

Наблюдается своего рода вытеснение и замещение «общества» «культурой». В настоящее время последняя превращается в некую базовую инстанцию, к которой постоянно прибегают для объяснения специфики общества: последнее все чаще рассматривается скорее как следствие культуры, чем как ее причина. В каком-то смысле культура в современной социологической теории выступает как аналог марксова понятия «базис». Если раньше особенности культуры объясняли особенностями общества, то теперь в социологии и смежных дисциплинах особенности общества в самых разных вариантах — будь то группа, социальное взаимодействие и т.п., — принято объяснять всякого рода особенностями культуры.

Наука о культуре обретает собственное самосознание, что проявилось, в частности, в изобретении Лесли Уайтом, более ста лет спустя после изобретения Контом слова «социология», термина «культурология», укоренившегося в России и обретшего здесь вторую родину.

Наблюдается своего рода «культурализация» социальных наук, а также различных сфер социальной практики. Этот процесс происходит в социологии¹², экономике, политической науке и практике.¹³ Эта тенденция прослеживается и в «cultural studies» и в «культурной социологии» Джеффри Александера и его сотрудников из возглавляемого им «Центра культурной социологии». Отвергая «социологию культуры» («sociology of culture» как особого направления исследований *внутри* этой дисциплины, он отстаивает культуралистский подход к самой социологии.¹⁴

¹² Обзор некоторых подходов, свидетельствующих о «культурном повороте» в социологии последних десятилетий см.: Родригес Морато А. Консенсус и споры о культуре в нынешней социологии // Социологический ежегодник 2009. Сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН; Каф. общей социологии ГУ –ВШЭ, 2009. С.56-70.

¹³ О «культурализации политики» см., в частности, в книге С.Жижика «О насилии». М.: Европа, 2010.

¹⁴ См., в частности: Alexander J.C. The Meanings of Social Life. Oxford: Oxford University Press, 2003. P.5, etc.

В середине 20 в. социологи-теоретики опасались реификации общества, его гипостазирования, выступали против «сверхсоциализированной концепции индивида». Сегодня есть основания констатировать наступление «сверхкультурализованной» концепции общества, надления культуры теми же свойствами реификации, качествами особого рода субъекта и актора, которые в свое время приписывались обществу, вызывая опасения и критику теоретиков.¹⁵ Понятие «культура» постепенно проникает в самые разные социальные науки и занимает в них центральное положение. Этот процесс сопровождается ослаблением аналогичных позиций понятия «общество», «социальность» или «социальное». Некоторые зарубежные коллеги и вовсе призывают отказаться от понятия «общество», хотя эти призывы звучат не очень убедительно и мало кто спешит к ним прислушаться.¹⁶

«Культурализм» в известном смысле выступает, с одной стороны, как аналог, с другой - как замена «социологизма» в качестве теоретической парадигмы. В этой связи можно отметить, что сегодняшняя попытка опровержения социологизма, предпринятая некоторыми российскими исследователями, немного опоздала, потому что это уже было сделано примерно пятьдесят лет назад. Именно тогда в социологической теории существовала указанная боязнь реификации общества, «сверхсоциализированной концепции индивида» и т.п. С тех пор эта угроза миновала: позиции холизма, а вместе с ним, - социологизма, оказались основательно потесненными благодаря возрождению и укреплению позиций психологического редукционизма и методологического индивидуализма в социологической теории. В настоящее время именно с ними, а не с социологизмом, в первую очередь приходится конкурировать культурализму в социологической теории. С другой стороны, в последние годы в социологии высказываются суждения относительно несостоятельности реификации самой культуры и, соответственно, культуралистской парадигмы.

Подводя итог настоящим заметкам, можно сделать следующий вывод. Если использовать модное в последние годы слово, то в интересующем нас аспекте мы наблюдаем три следующих друг за другом «поворота» («turns») в социологической теории 19-начала 21 вв.: 1) к «обществу» («социальному»); 2) к «обществу-культуре» («социокультурному»); 3) к «культуре»

¹⁵ Впрочем, опасения и отдельные упреки такого рода в культурной антропологии существовали и в первой половине 20 в. Критиковались попытки реификации культуры, ее мистификация, отрыв от общества и т.п. Роберт Линд в своей известной работе

«Познание для чего?» (1939) подчеркивал, что культура «не работает», «не движется», «не изменяется», все это делают с ней люди; что «не культура, а люди красят ногти». См. об этом: Уайт Л. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры. Под ред. СЯ.Левит, Л.А.Мостовой. СПб: Университетская книга, 1997. С.33 и дал. Тем не менее, такие упреки отвергались ссылками на признание роли социальных носителей культурных явлений - обществ, групп, приводящих культуру в движение и придающих ей определенный облик.

¹⁶ См.: Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социс, 2005, №1.

(«культурному»). Параллельно прослеживаются и маятниковые «повороты» от социального реализма (или холизма) к социальному номинализму (или индивидуализму), и обратно. Но это уже тема других заметок или специальных историко-социологических исследований и наблюдений.